Аналіз

ВОСТОЧНЫЕ ЕВРЕИ В ИЗРАИЛЕ

Артем Кирпиченок

Восточные евреи составляют около 35-40% от еврейского населения Израиля – но до сих пор их присутствие более заметно на заводах, в кварталах бедноты и в тюрьмах, чем в кабинетах власти

Теги матеріалу: близький схід, кирпиченок, расизм

31.08.2011

«Еврей это тот, кто говорит на идиш».

Голда Меир, премьер-министр Израиля (1)

«Сегодня 40 лет независимости ашкеназского государства именуемого Израилем – но кто это будет праздновать? Наши восточные братья в тюрьме? Наши сестры-проститутки в Тель-Барухе? Наши дети в школах – будут ли они праздновать падение уровня образования? Будем ли мы праздновать ашкеназский театр Кишон Саллах? Или рост фанатизма в нашей общине? Отказ от мира? То, что восточная музыка транслируется на периферии СМИ? Безработицу в городах развития? Похоже, «мизрахим» нечего праздновать. Радость и свет только для ашкеназов и во славу ашкеназского государства».

Передовица сефардской газеты к 40-й годовщине основания государства Израиль.

Израильское общество преподносится нам буржуазными СМИ как образец единства и солидарности еврейского народа, поднявшегося над классовыми, социальными и этническими противоречиями ради «борьбы с общим врагом». Не вызывает сомнения, что необходимость подавления населения колонизируемой страны и перераспределения ресурсов на основе происхождения и цвета кожи ведет к консолидации поселенцев. Мощные движения белого пролетариата в Алжире и ЮАР, существовавшие в начале 20 столетия, были сведены на нет с помощью подкупа белой рабочей аристократии за счет угнетенного коренного населения. Вместе с тем, классовые, социальные и этнические противоречия среди колонистов были и остаются существенным фактором, который нельзя игнорировать.

Из выпусков новостей может возникнуть впечатление, что Израиль заселен исключительно выходцами из Европы и Америки. Фамилии и внешний облик большинства израильских министров, политиков и бизнесменов, казалось бы, подтверждают этот тезис. Но если вы отклонитесь от привычных туристических маршрутов и приедете в израильские провинциальные городки на юге и севере страны, то увидите множество израильтян восточного и африканского происхождения.

Исторически евреи делятся на две крупные субэтнические группы – ашкеназов и сефардов. Ашкеназы – это выходцы из Германии (Ашкеназ), которые на исходе Средневековья в своей массе переселились на Восток – в Центральную и Восточную Европу. Сефардами называют выходцев из Испании (Сфарад), изгнанных со своей родины в 15 веке. Большинство сефардов эмигрировало на Восток и расселилось по территории Османской империи – от Салоник до Маракеша. Но некоторые сефарды обосновались в Западной Европе – например, в Голландии.

В Израиле ашкеназами как правило называют всех европейских евреев, а сефардами всех восточных евреев, хотя это не совсем верно. Так, многие йеменские евреи – это потомки арабских племен, принявших иудаизм, а многие марокканские евреи – это обращенные в иудаизм берберы. Поэтому, говоря о восточных евреях, было бы точнее использовать ивритский термин «мизрахим» – то есть, «восточные».

На сегодняшний день восточные евреи составляют около 35-40% от еврейского населения Израиля – но до сих пор их присутствие более заметно на заводах, в кварталах бедноты и в тюрьмах, чем в кабинетах власти. Как можно объяснить это явление в стране «для всех евреев»?

В 1988 году профессор Нью-Йоркского университета, иракская еврейка Элла Шохат, выпустила в свет работу «Израильские внутренние колонии», в которой был представлен обзор истории интеграции Восточных евреев в израильское общество. Эта статья стала важным этапом в ревизии сионистской мифологии, созданной вокруг судьбы «мизрахим» в Израиле.

Официальная израильская историография повествует о тяжелой жизни восточных евреев в арабском мире, в условиях нищеты, невежества и постоянных гонений. После основания государства Израиль «мизрахим» были изгнаны арабами из своих домов и нашли прибежище в «земле текущей молоком и медом». Естественно, это соответствовало многовековым сионистским чаяниям восточных евреев.

Спасенные от жесткого арабского ига эмигранты оказались в процветающем западном обществе, с его терпимостью, демократией и «человеческими ценностями», которые вошли в противоречие с их левантийскими привычками и образом жизни. Прибывшие с деспотичного, неграмотного, сексистского Востока «мизрахим» были консервативны, религиозны и реакционны. Кроме того, они были полны ненависти к угнетавшим их арабам, и потому до сих пор выступают против любого разумного урегулирования палестино–израильского конфликта. Израильские политические институты, образовательная система и социальные службы сделали все возможное, чтобы успешно интегрировать своих еврейских братьев с Востока в израильское общество.

Между тем, как отмечает Шохат, с момента своего создания сионизм был чисто европейским колониальным движением, и в первые десятилетия своего существования не проявлял никакого интереса к евреям Востока. Будущий Израиль должен был стать государством эмигрантов из Польши, России, Австро-Венгрии и Германии – «маленькой Швейцарией» на Ближнем Востоке. Присутствие восточных евреев в нем не планировалось.

Со своей стороны евреи Северной Африки, Азии и Палестины, не проявляли никакого интереса к сионистскому проекту. Живя в непосредственной близости от Палестины, они никогда не пытались вернуться «на историческую родину». Будучи представителями мелкой и средней буржуазии, ремесленниками и купцами, представителями свободных профессий, восточные евреи в целом были финансово обеспеченными людьми. Еврейские семьи Жаке, Бушара, Бакри, Буснаш, в течение многих лет доминировали среди евреев Алжира, а также в финансово-торговой сфере всей страны. Коэн Бакри, четверо его сыновей и зять создали консорциум, контролировавший большую часть алжирской торговли. Еврейские банкиры получили монополию на торговлю зерном. Агенты Бакри работали в городах Африки, Леванта и крупных центрах Европы. Процессы разложения феодального общества и миграции, в которые были втянуты евреи Восточной Европы обошли «мизрахим» стороной. После начала европейской колонизации, евреи нашли общий язык с колониальными властями и зачастую, не без выгоды для себя, выступали в качестве посредников между европейцами и коренным населением. Например, в Алжире местные арабоязычные евреи получили французское гражданство в 1870 году – невиданная милость для туземцев! Несмотря на то, что история взаимоотношений евреев Востока с соседними народами не была безоблачной, она, как пишет Шохат, отнюдь не являлась хроникой погромов. Политэтнический и поликонфессиональный мусульманский мир был гораздо терпимее европейского общества. Более того, либерализация и европеизация 19-начала 20 века ускорила интеграцию «мизрахим» в окружающие их арабское, турецкое и иранское общества. Евреи внесли значительный вклад в арабскую культуру – и многое из нее заимствовали. Либеральные реформы открыли для евреев путь в органы государственной власти. В 1940-х годах министром финансов Ирака был еврей Исаак Сасон, а министром финансов Египта – Ямас Сануа.

Многие «мизрахим» не скрывали своих антисионистских настроений. В сионизме они видели, во-первых, религиозную ересь (ведь согласно канонам переселение евреев в Эрец-Исраэль возможно только после прихода Мессии – Машиаха), а во-вторых – фактор, который может осложнить отношения с соседями. Руководство иракских евреев открыто выступало против сионизма. В 1929 году верховный раввин Ирака опубликовал открытое письмо, в котором отрицал сионизм и декларацию Бальфура. (2) Не менее активную позицию заняли сефарды Палестины – коренные жители этой страны, которых еще называли «Старым ишувом». В 1920 году они подписали антисионистскую петицию палестинских арабов к британским властям. В 1923 году среди сефардов раздавались лозунги против «ашкеназского сионизма» и в поддержку Мусульмано-Христианского комитета Муссы Хассам аль Хусейни. Активная оппозиция «Старого ишува» привела в 1924 году к убийству Яакова де Хаана, застреленного на ступенях синагоги больницы Шаарей-Цедек за антисионистскую деятельность боевиком «Хаганы», по приказу будущего президента Израиля Ицхака Бен-Цви. (3)

Заметим, что палестинское движение на первых порах тоже четко разделяло сионистов и евреев «которые живут в мире между арабов». В петиции иерусалимских арабов от ноября 1918 говорилось: «Мы хотим жить в… равенстве с нашими братьями-израильтянами, рожденными в этой стране, их права – это наши права, и их обязанности – это наши обязанности» На всесирийской конвенции 1919 года присутствовали и арабские евреи. На первой антисионистской демонстрации 1920 года в Назарете выкрикивали лозунги: «Евреи, люди этой страны, жившие с нами до оккупации – наши братья, и евреи во всем мире наши братья!»

Несмотря на то, что «мизрахим» не собирались содействовать реализации сионистской мечты, а европейские сионисты даже и не думали об их привлечении к этому проекту, в начале 20 века восточные евреи все-таки начали переселяться в Палестину. Чем это было вызвано?

Одним из базовых понятий сионизма был принцип «авода иврит» – «еврейская работа». Он восходит еще к временам еврейского «Просвещения» («Хаскалы») 18-19 вв., и подразумевает переход евреев к продуктивному, облагораживающему, производительному труду. В контексте сионистской идеологии «авода иврит» подчеркивала разницу между эксплуататорами-колонизаторами и еврейскими поселенцами, которые будут зарабатывать кусок хлеба своим трудом. Но практическая реализация этого принципа привела к конфликту между евреями и арабами, «мизрахим» и ашкеназами и «мизрахим» и арабами.

Еврейские поселенцы стали сгонять с купленных ими земель арабских крестьян, чтобы начать их обработку руками евреев. Эмигранты-социалисты обрабатывали землю сами, но перед землевладельцами-евреями встал вопрос рабочей силы. Бедные евреи из Восточной Европы, как правило, эмигрировали в Америку, и поэтому стоимость еврейского труда в Палестине была достаточной высокой. В создавшейся ситуации восточные евреи оказались подходящей дешевой рабочей силой, способной заменить и арабов и европейских евреев.

«Это место для евреев с востока, особенно персидских и йеменских, профессиональных земледельцев» – писал в 1908 году Яаков Теон. Ему вторила газета «Хациви»: «Эти примитивные, естественные рабочие способны делать любую работу, без стыда, без философии, и без поэзии. …Это не моя идея, что йеменские элементы должны остаться в своем нынешнем статусе. Да – в их варварском, диком, настоящем статусе. … Йемениты существуют сегодня на том же отсталом уровне, что и феллахи. …Они могут занять место арабов».

Для реализации этих планов в Йемен было направлены вербовщики, которым удалось до начала Первой мировой войны завербовать на работу в Палестину около 10 тыс. человек. Людей, приезжавших в «землю текущую молоком и медом», селили в хлеву или просто предлагали спать в поле. Это повлекло за собой массовую смерть младенцев. Еврейские латифундисты заставляли женщин и детей работать по 10 часов в день. Приехавшие эмигранты из Йемена не имели никакой социальной защиты. Созданные эмигрантами из Европы профсоюзы и кооперативы не принимали их в свои ряды. Но уже упомянутый выше Яаков Теон, радостно писал в 1907 году: теперь «мы можем иметь женщин и девочек-подростков, которые будут работать в домашнем хозяйстве и заменят арабских женщин, которые берут высокую плату. Теперь прислуга будет в доме почти каждого колониста».

Первая мировая война и эмиграция евреев Европы в 1920-х и 1930-х годах надолго закрыли тему эмиграции евреев Востока. Руководство ишува (самоназвание сионистского поселения в Палестине до основания государства Израиль) продолжало строить государство для европейских евреев. Место для «мизрахим» в нем предусмотрено не было. В 1948 году, при формировании первого израильского кабинета, вопрос участия в нём министра не-европейца вызвал острые дискуссии, сводившиеся к подбору для него наименее значительного поста. Как говорил Давид Ремез из правящей партии МАПАЙ: «У сефардского министра не должно быть никаких грандиозных претензий». В итоге участники спора решили укомплектовать правительство исключительно ашкеназами. Но вскоре израильскому правительству пришлось вернуться к теме импорта восточных евреев.

К 1949 году планы «большой европейской алии» потерпели полный крах. Большинство выживших евреев Европы предпочли барачным препятствиям жизни в Эрец-Израэль «страдания» в европейском или американском галуте. Не сбылась и мечта об эмиграции советских евреев. Сталин осознал, что финансово зависимая от США страна никогда не будет его союзником и прекратил поддержку сионистского проекта. Израиль испытывал острую нехватку рабочих рук и штыков, для освоения и удержания обширных земель, захваченных в 1947-1949 годах. Вопрос привлечения эмигрантов с Востока снова встал на повестку дня.

Идея приема «восточных братьев» не вызвала в израильской верхушке никакого восторга и породила острую полемику. Израильская элита вообще была склонна рассматривать как не вполне полноценных всех «галутных жидков». (4) А уж «черные» восточные евреи, «черные животные» («schwartze chaise»), были для них существами четвертого сорта. Первый премьер-министр Израиля, Давид Бен-Гурион называл их «мусором». В 1949 году журналист Арье Гельблум писал: «Это эмиграция расы, которую доселе мы не знали в нашей стране… Мы имеем дело с людьми, чей примитивизм бьет все рекорды, чей уровень знаний близок к полному нулю, и что еще хуже, им не дано понять что-либо мало-мальски интеллектуальное. В целом, они лишь чуть лучше общего уровня арабов, негров и берберов того же региона. В любом случае, их уровень даже ниже тех показателей, что мы видели у бывших арабов Эрец-Израэля. Эти евреи так же не имеют корней в иудаизме и полностью подчинены чувствам и примитивным инстинктам… Так же, как и у африканцев, вы найдете у них карточные игры, алкоголизм и проституцию. У большинства из них серьезные глазные, кожные и венерические заболевания… Хроническая лень и ненависть к труду, нет ничего безопасного в этих асоциальных элементах…»

И все же, практические соображения взяли верх над расистскими инстинктами израильской верхушки. В Марокко, Йемен, Ирак и другие восточные страны были посланы израильские эмиссары. Посланники хорошо понимали, что речь прежде всего идет об импорте дешевой рабочей силы. В их инструкциях было четко прописано, что в Израиль следуют вести только молодых и здоровых репатриантов. В Марокко, в начале 50-х годов эмигрантов заставляли выполнять физические упражнения, осматривали их зубы и мускулы. Глава миссии в Йемене, Шмуэль Явнели, в открытых документах витиевато слал «нашим братьям Бней-Израэль из далекой Йеменской земли, приветствие из Эрец-Исраэль». Но в своих отчетах на основе антропологических данных сравнивал работоспособность различных еврейских племен. Ицхак Рафаэль из Национально-религиозной партии успокаивал руководство «Сохнута»: «не стоит беспокоиться касательно приезда [в Израиль] большого числа хронически больных, им надо идти пешком [до места посадки в самолеты] около двух недель. Серьезно больные не способны проделать такой путь».

Но у израильских посланников имелась еще одна проблема. Как мы писали выше, «мизрахим» не стремились в Израиль. В 1950 году, когда иракское правительство предложило евреям свободный выезд в обмен на лишение гражданства и имущества, страну покинуло только несколько человек. Миф о том, что арабские страны изгнали своих евреев в ответ на провозглашение Израиля является не более чем сказкой «асбары».

Во-первых, значительная часть арабских стран – Марокко, Алжир, Тунис – к моменту основания Израиля являлись колониями европейских стран. Во-вторых, арабские режимы не собирались помогать Израилю людскими ресурсами и квалифицированными специалистами. Как правило, эмиграция евреев в арабских странах была запрещена или тщательно контролировалась. Сионистские посланники действовали нелегально.

Правда, нужно отметить, что многие евреи арабских стран чувствовали себя неуверенно в связи с началом подъема арабского национального освободительного движения. Часто евреев обвиняли в слишком тесных связях с колонизаторами. Но были и другие примеры. Комитет национального освобождения Алжира дважды специально обращался к «соотечественникам исраэлитам» с призывом принять участие в борьбе за освобождение родины. Алжирские евреи проигнорировали это послание, и предпочли уехать вместе с «черноногими». Правда, не в Израиль – а, главным образом, во Францию.

Шохат пишет, что для пробуждения «сионистского самосознания» израильские агенты использовали различные неординарные методы. Массовый исход иракских евреев начался после череды взрывов бомб у еврейских общинных учреждений. 14 января 1951 года взрыв в синагоге Багдада унес жизни четырех человек. За этими терактом стояли агенты израильской разведки и пробританские круги правительства Нури Саиди, финансово заинтересованные в отъезде евреев. Как всегда сионисты и антисемиты действовали рука об руку.

Еврейские эмигранты из стран востока попадали в транзитные лагеря для эмигрантов, с нечеловеческими условиями существования. Еврейское Агентство сообщало из Алжира «о более чем 50 людях, живущих в комнате четыре на пять квадратных метра». Врач, работавший в лагере в Марселе (некоторых эмигрантов везли в Израиль через Францию), писал о причинах массовой детской смертности: «Я не могу понять, почему эмигранты из европейских стран обеспечиваются одеждой, в то время как эмигранты из Северной Африки не получают ничего». Смерть косила и переселенцев в транзитных лагерях Йемена. Заметим, что и спустя десятилетия, практика транспортировки эмигрантов из стран третьего мира в Израиль не сильно изменилась. Во время отправки в Израиль эфиопских евреев в начале 80-х годов («Операция Моше») местные координаторы Еврейского Агентства грабили и насиловали репатриантов в аналогичных транзитных лагерях. По прибытию в Израиль эти сионистские активисты были срочно переправлены в Канаду – подальше от тех людей, которых они везли в Израиль.

Эмиграция в Израиль сошла на нет, как только до людей стала доходить информация, что их ждет впереди. Некоторые вернулись из транзитных лагерей домой. Другие, по словам сотрудников «Сохнута», «были посажены на борт корабля силой». Оптимисты полагали, что по прибытию в «Землю обетованную» трудности останутся позади. Но это было не так.

По прибытию в Израиль эмигранты проходили унизительную процедуру дезинфекции, а затем их судьба оказывалась в руках чиновников. Сначала у «мизрахим» отнимали их имена – как «не-еврейские» и «арабские». Вместо них в документы вписывались спешно выдуманные ивритские имена и фамилии. Затем приехавших в страну отправляли на поселение. Желания самих эмигрантов в этом вопросе не учитывались. Воля «богоподобных» чиновников разделяла общины и целые семьи. «Мизрахим» расселялись прежде всего в приграничных районах, в рамках программы «укрепления границ». Их домами становились покинутые арабские деревни или барачные городки – «мааборот».

В отличие от хорошо укрепленных пограничных кибуцев, куда восточных евреев не принимали, «мааборот» были совершенно беззащитны перед атаками палестинских партизан-федаинов или тех палестинцев, что пытались вернуться в свои дома, чтобы забрать вещи или обработать свои поля. Это подтверждают и арабские источники. Так, в отчете о рейде на территорию Израиля, один из федаинов пишет, что когда они захватили еврейского поселенца, тот рухнул на колени и взмолился о пощаде во имя Пророка. Трудно представить европейского еврея, который молил бы о милости таким образом – да еще, по-видимому, на арабском языке. Разумеется, нападения палестинцев провоцировали в среде «мизрахим» антиарабские настроения – точно в соответствии с политикой «разделяй и властвуй».

В городах выходцев с востока направляли в кварталы, покинутые арабами. Считалось нормой поселить несколько семей в одну квартиру. Власти никогда не селили в одних районах выходцев из Европы и выходцев с Востока. Инфраструктура, образование, здравоохранение в местах проживания «мизрахим» финансировались по остаточному принципу.

Дешевая, мобильная и манипулируемая сефардская рабочая сила стала основой для израильского экономического роста 1950-х. Политика занятости еврейского государства в первые годы его существования строилась на расовых и этнических принципах. Даже образованный выходец с Востока не мог быть «настоящим» израильтянином. Он всегда должен был подчиняться европейцу. Писатель и публицист Исраэль Шамир вспоминал, что в Израиле в начале 70-х годов директором, как правило, являлся ашкеназ, десятником – восточный еврей, а рабочим – араб. Это соответствовало существовавшей во многих колониальных странах, где между белыми «господами» и покоренными народами существовала неполноценная «цветная» прослойка – индусы, арабы, китайцы, которой отводилась функция квалифицированных рабочих, торговцев и мелких служащих.

Большинство эмигрантов стали «низкоквалифицированными» строительными рабочими. Сельскохозяйственные поселения, основанные «мизрахим», получили меньше земли и на худших условиях, чем европейские евреи – и потому редко были конкурентоспособны. «Мизрахим», занятые в сельском хозяйстве, чаще всего становились батраками в кибуцах, выступавших в качестве коллективных эксплуататоров-землевладельцев. Когда в начале 60-х годов в Израиле началась индустриализация, выходцы с Востока стали промышленным пролетариатом. Но израильское профсоюзное объединение – «Гистадрут», не спешило принимать восточных евреев в свои ряды. Иностранных инвесторов, прежде всего евреев из США, привлекала дешевизна рабочей силы «мизрахим». В южных районах страны стали возникать моногорода, обслуживающие фабрики. Еще в конце 80-х годов рабочие на текстильных фабриках получали 150-200 долларов в месяц, что сравнимо с зарплатами стран третьего мира.

Себя на земле Израиля, сотни тысяч восточных евреев оказались обречены на нищету, утрату своего социального статуса и традиций. Их кварталы превратились в зоны бедности, безработицы, преступности и проституции. Это в свою очередь породило массовое недовольство. Чтобы удержать контроль над «мизрахим» правительство применяло различные политические, культурные и идеологические методы. Начнем, пожалуй, с последних.

Тысячи юных марокканцев, иракцев и йеменцев сразу по приезду в Израиль были взяты от родителей (порой принудительно) и направлены в интернаты, где их учили в «правильном» сионистском духе. Элла Шохат пишет, что подобно учебникам французской империи, из которых юные вьетнамцы и сенегальцы узнавали о «наших предках галлах – светловолосых с голубыми глазами», израильские учебники рассказывали юным марокканцам, йеменцам и иракским евреям, об «их предках», живших в штетлах (местечках) Восточной Европы. Колонизаторы стремились к уничтожению истории восточных евреев. История евреев Востока и стран, где они жили, оказалась вычеркнута из школьной программы. С точки зрения сионистской историографии восточные евреи и арабы появились на исторической сцене только после возникновения сионизма, когда евреи обновили библейский мандат. Ладино (язык сефардских евреев) и еврейско-арабские диалекты оказались под запретом. Имена арабоязычных еврейских писателей и поэтов – Анвара Шаула, Мурада Михаэля, Салим Даравиш – были вычеркнуты из учебных программ. Даже гиганты еврейско-арабской культуры – Маймонид, Иехуда-га-Леви, Ибн Гвироль – трактовались как дети «европейской» или «испанской» цивилизации.

Учителя объясняли детям, что все «арабское и восточное» враждебно Израилю. Темная кожа, арабский язык, музыка, и даже гостеприимство были объявлены недостатками. Детей учили стыдиться своих родителей. Этот стыд стимулировался многочисленными случаями, когда восточных евреев принимали за арабов, арестовывали и избивали. Видя себя глазами ашкеназов, «мизрахим» начали себя ненавидеть. Теперь «самоненависть», «selbst-hass», стала и их болезнью. [illegible] выросших в Израиле восточных евреев к арабам. [illegible] они видят самих себя – точнее, именно то в себе, что их научили ненавидеть.

Уже в аэропорту или в порту эмигрантов ждали представители израильских политических партий, в задачу которых входила интеграция новоприбывших в израильскую политическую систему. Читатели, наверное, помнят блестящий фильм Мартина Скорсезе «Банды Нью-Йорка», где агенты Таммани-Холла встречали сходивших на берег голодных переселенцев из Ирландии прямо у трапа. Власти так же манипулировали эмигрантами через старейшин и лидеров общин, чьи голоса покупались в обмен на мобилизацию избирателей на выборы и пропаганду лояльности израильскому государству.

Немаловажную роль играло и экономическое принуждение. Напомним, что до конца 70-х годов Израиль был фактически однопартийным государством, где монополия на власть принадлежала партии МАПАЙ. Представители партии и связанного с ней «Гистадрута» жестко контролировали большинство рабочих мест, и использовали это для укрепления своей власти. Рабочим-«мизрахим» предлагалось голосовать прямо на рабочем месте, причем перед выборами их предупреждали, что уже на следующий день количество принимаемых на работу людей будет точно соответствовать числу карточек МАПАЙ, найденных в избирательной урне. В начале 60-х годов восточным рабочим просто прямо предлагалось вступать в правящую партию.

Даже духовная жизнь эмигрантов жестко регламентировалась. Элла Шохат пишет о парадоксе светского сионизма: [illegible] Запада и их взоры были обращены на Восток – но идеологически и политически [illegible] исключительно на Запад. [illegible] Эмиграция из третьего мира и мусульманских стран вызывала у светских европейских евреев волну антирелигиозности. «Традиционная еврейская культура» стала синонимом «отсталого», «восточного», того, от чего следует избавиться.

По этой причине, борьба с религиозностью восточных евреев велась с такой же энергией, как и борьба с их культурой и историей. [illegible] детей обучали только по светским программам. [illegible] где религиозное образование допускалось, оно было поставлено под контроль ашкеназских раввинов с их «правильными» стандартами [illegible] Речи Посполитой.

Несмотря на то, что «мизрахим» очень старались стать «правильными» израильтянами и прилежно убивали в себе все «восточно-арабское», ашкеназский истеблишмент продолжал открыто высказывать презрение и ненависть к «черным». Элла Шохат отмечает [illegible] Теперь же они создали «свое» европейское государство и у них появились свои «черные» – выходцы с Востока.

Социологические и исторические труды прославляли «креативных» и «идеалистических» «настоящих» европейских сионистов, строивших государство Эрец-Израэль, [illegible] тупым и покорным выходцам из Марокко и Йемена.

Ашкеназы провозглашались «солью земли». С 1950 годов популярной темой для обсуждения в израильских вузах стала «этническая проблема». Профессор Йосеф Гросс писал о «ментальном регрессе» и «отсутствии собственного я» у восточных евреев. В 1964 году Калман Кацнельсон опубликовал трактат «Ашкеназская революция» об опасности пребывания в Израиле большого числа восточных евреев – так как со временем это приведет к исчезновению чистой европейской крови в результате смешанных браков.

Даже «дружественно настроенные» газеты, радиопередачи, детские книжки делали упор на «экзотичность» восточных евреев. Как правило, их изображали в традиционных одеждах, в синагоге, на фольклорных мероприятиях – но никак не за рулем автомобиля или на университетской кафедре. [illegible] мегаполисы как Стамбул, Багдад и Александрия [illegible] от великих европейских культурных центров – Жмеринки, Бердичева и Крыжополя. Даже операции по трансферу восточных евреев в Израиль носили «ориенталистские» названия – «Али Баба», «Ковер-самолет».

Но все «мизрахим» из «любви к Сиону» беспрепятственно сносили свою участь.

Уже в транзитных лагерях имели место демонстрации под лозунгами: «хлеба и работы!». Давид Хорвиц, министр финансов при Бен-Гурионе, охарактеризовал настроение восточных евреев в лагерях как взрывоопасное. В 1959 году в хайфском квартале Вади-Салиб произошло выступление «мизрахим» против нищеты и дискриминации, под лозунгом: «Король Марокко, забери нас обратно!». Выступление было подавлено силами армии и полиции.

В начале 1970-х годов в Израиле возникло движение «Черные пантеры», охватившее молодых выходцев из Марокко. Это название было заимствовано у негритянского движения в Америке – но оно так же намекало на кличку «черные животные», которой «наградили» ашкеназы выходцев с Востока. «Черные пантеры» были инициаторами многотысячной демонстрации в Иерусалиме в мае 1971 года, когда народ забросал полицию камнями и «коктейлями Молотова». 170 человек было арестовано, еще 35 человек – ранено. Ранения получили 70 полицейских.

Власти отреагировали на протесты истерикой в прессе. Она писала о «восстании люмпенов» и «этнических тенденциях, которые раскалывают единство нации». Как отмечает Элла Шохат, ашкеназские организации и партии никогда не считали себя «этническими» [illegible] про «ашкеназские газеты», «ашкеназское телевидение», «ашкеназский суд» и даже про «ашкеназскую армию». [illegible] в Вади Салибе и в Иерусалиме 1971 года [illegible]

Заметим, что «Черные пантеры» были левым движением, близким к компартии. Они призывали к «настоящему диалогу с палестинцами», [illegible] Ближнем Востоке». Они были одной из первых израильских групп, встретившихся с представителями ООП.

В 1982 году беспорядки «мизрахим» в Иерусалиме повторились – после того как полицейские убили сефарда, незаконно выстроившего пристройку к своему бедному дому.

К сожалению, в конечном итоге, протест выходцев с Востока был использован крайне правыми силами. Почему это случилось?

Единственной крупной оппозиционной партией Израиля на протяжении всей послевоенной эпохи был «Херут» Менахема Бегина. Именно эта правая партия стала центром притяжения «мизрахим» и «протестного электората». Буржуазия и средний класс, оказавшиеся перед лицом угрозы пролетаризации, в большинстве случаев склоняются к ультраправым и фашистским настроениям. Так было в Германии начала 30-х, и в Восточной Европе 90-х. Аналогичные процессы затронули и переселявшихся в Израиль эмигрантов из бывшего СССР.

За тридцать лет своего правления правящая партия МАПАЙ изрядно дискредитировала слово «социализм». А израильские профсоюзы, как мы уже писали выше, проводили откровенно расистскую политику по отношению к восточным евреям. [illegible] политика «разделяй и властвуй» в отношении между «мизрахим» и арабами. Как мы видели, восточные евреи были поставлены под удары арабских атак на границе. «Мизрахим» были вынуждены конкурировать с арабами за низкооплачиваемую работу и зарплату, что позволило элите манипулировать этими двумя группами. Многие восточные евреи из экономических соображений отправились жить в поселения на оккупированных территориях. Сегрегация позволяла палестинцам и «мизрахим» получать информацию друг о друге главным образом из контролируемых истеблишментом СМИ. Правда, «мизрахим» говорили по-арабски, и были воспитаны на арабской культуре. Но многие из них являлись выходцами из среднего класса – и, к тому же, из крупных городов. Можно предположить, что здесь кроется еще одна причина неприязни между «мизрахим» и палестинскими крестьянами.

Голосование восточных евреев в поддержку «Херута» (позднее «Ликуда») в 1977 году привело к завершению эпохи однопартийной системы в Израиле. Это вызвало недовольство в рядах левых либералов, который до того момента ассоциировал себя с партией МАПАЙ (позднее «Авода»). Ситуация еще больше обострилась после начала Ливанской войны 1982 года. Если значительная часть верхушки видела в этой войне ненужную авантюру правительства Бегина, то «мизрахим» восприняли антивоенные настроения как атаку на «свое» правительство.

Начало 1980-х годов стало временем рождения нового пропагандистского мифа о «Прекрасном Израиле, который мы потеряли в 1977 году» и «реакционерах с Востока». Известный либеральный политик Шуламит Алони без колебаний называла «мизрахим» «дикими племенными силами». Генерал Мордехай Бар-Он, один из лидеров лево-либерального движения «Шалом Ахшав» (5) рассуждал о том, что «поведение выходцев с Востока обусловлено «сильной ультраправой тенденцией», «лояльностью к персональному руководству Менахема Бегина», «укоренившейся ненавистью к арабам», «естественной и традиционной тенденцией» – следовать за харизматичным лидером». «Мизрахим» это примитивные восточные люди, которые воплощают все то, темное, что [illegible] Израиле: они уничтожили прекрасный Израиль, превратив его в ультраправое антидемократическое государство, они поддерживают оккупацию, выступают против мира [illegible]

В 1983 году выходец из Марокко Иона Авруцким бросил гранату в демонстрацию «Шалом Ахшав». Жертвой гранаты стал сотрудник института «Ван-Лир» Эмиль Гринцвайг; эталонный «белый» израильтянин, представитель среднего класса. К тому же, Гринцвайг был правозащитником и пацифистом. Известный либеральный журналист Амнон Данкнер откликнулся на случившееся статьей в газете «Ха-Арец», под заголовком: «Нет у меня сестры». Там, в частности, говорилось:

«Эта война [между ашкеназами и сефардами] не идет между братьями – не потому что нет войны, а потому что нет братьев. Поскольку я – участник войны, которая навязана мне, я отказываюсь называть другую сторону «братьями». Они не мои братья, они не мои сестры, оставьте меня в покое, у меня нет сестры… [illegible] и призывают меня преодолеть культурные различия и чувство дискриминации… Они сажают меня вместе с истеричным бабуином и говорят: «Окей, теперь вы вместе [illegible] «Будь с ним ласков, брось ему банан. В конце концов, вы – братья».

Если бы Амнон Данкнер не был ашкеназским интеллектуалом, а был бы простым русским бандитом, он бы, наверно, лаконично заметил: «Не брат ты мне, гнида черножопая!». Но Данкнер – интеллигент, поэтому не стоит винить его в излишнем многословии.

С точки зрения Эллы Шохат, причитания израильских левых либералов просто смешны. Речь идет о [illegible] людях, которые начали войну, убивали и мародерствовали, изгнали палестинцев с их земель, подавляли «мизрахим» [illegible] – а в итоге винят во всех своих бедах евреев Востока. Их стремление к миру ограничивается болтовней. Ашкеназские «левые» готовы заниматься проблемой социального и этнического неравенства – но только после заключения мира».

Профессор Шохат видела решение проблемы «мизрахим» в совместной борьбе с палестинцами и диссидентскими группами европейских евреев против сионистского государства. Но политические, социальные и экономические процессы в израильском обществе привели к иным результатам.

В 80-90-х годах наблюдатели отмечали растущую интеграцию восточных евреев в израильское общество. Увеличилось количество «мизрахим» получивших высшее образование и занимающих государственные должности, культура и история евреев Йемена, Марокко и Ирака получила отображение в средствах массовой информации и в учебных программах. «Идеология плавильного котла» (6) потерпела крах, а [illegible] заговорила о «мультикультурном обществе», оставив миф о «новом еврейском человеке». Некоторые «мизрахим» смогли использовать экономический рост 90-х годов в своих интересах.

Однако, с другой стороны, процесс рыночных реформ привел к массовому закрытию предприятий в городах израильской периферии, к прекращению строительства социального жилья и сокращению социальных пособий. И большинство «мизрахим» остается в нижней части пирамиды израильского общества.

Разочаровавшись в политике «Ликуда», с середины 80-х годов многие выходцы с Востока стали отдавать свои голоса партии «ШАС» («Всемирное объединение соблюдающих Тору»). [illegible] Растущее влияние «ШАС» вызвало сильное беспокойство в израильской верхушке. [illegible] Арье Дери. Впрочем, беспокойство израильских верхов оказалось напрасным. Несмотря на популистские лозунги и ритуальные обвинения «ашкеназов» и «русских евреев» во всех смертных грехах, [illegible]

Как и раньше «мизрахим» поддерживают ультраправых. [illegible] в Офакиме, Ашкелоне и других городах развития были закрыты и выведены в арабские страны или в специальные индустриальные зоны на границах с палестинскими землями, лишь укрепили эти настроения. [illegible] убийца премьер-министра Ицхака Рабина, Игаль Амир, также выходец из Йемена.

История эмиграции восточных евреев важна не только для понимания колониальной и расистской природы израильского государства. Трагедия «мизрахим» может служить для анализа процессов связанных с «русской алией» в Израиль, на рубеже 80-х и 90-х годов.

Как и «мизрахим», советские евреи были чужды сионистских устремлений, и, по возможности предпочитали эмигрировать в США. Лишь ограничения на эмиграцию в Америку, принятые под нажимом израильского лобби, направили поток эмигрантов, бегущих из разрушенного СССР в Израиль. Вызывает интерес и распространенные в конце 1980-х годов слухи о «неминуемых еврейских погромах». Учитывая практику сионистов в Ираке, вполне возможно, что речь идет о целенаправленной провокации израильских спецслужб.

Прибывшие в Израиль эмигранты рассматривались израильскими властями как дешевая рабочая сила, которая должна была заменить палестинцев после начала первой интифады.

Стратегия «разделяй и властвуй», успешно испробованная истеблишментом по отношению к «мизрахим», была с еще большим успехом применена по отношению к эмигрантам из СССР. По приезду в Израиль «русские» должны были конкурировать на рынке дешевой рабочей силы как с палестинцами, так и с восточными евреями. Причем эмигранты стали конкурировать с «мизрахим» не только за низкооплачиваемую работу, но и за получение государственного жилья и социальных пособий.

Как и ранее, государство стимулировало расселение эмигрантов в приграничных районах: Сдерот, Ашкелоне, Офакиме, Беэр-Шеве на Юге и в Кирьят-Шмоне на Севере. Там они становились «живым щитом» [illegible]. Тысячи эмигрантов направлялись в оккупированные территории, где жилье предлагалось на льготных условиях и по низкой цене. За счет эмигрантов из бывшего СССР [illegible] Ариэль, Кирьят-Арба, Маале-Адумим превратились в крупные города, что делает палестино-израильское размежевание по линии 1967 года фактически немыслимым.

Правящие круги Израиля с блеском разыграли межнациональную рознь. Как и раньше, «русские», «мизрахим» и арабы узнавали друг о друге посредством израильских СМИ. [illegible]

Естественно, «русские» – закоренелые арабофобы (7), как и восточные евреи. [illegible]

[illegible]

Как и в случае с «мизрахим», израильская элита оказалась для бывших советских евреев путем по лестнице ведущей вниз.

По данным Академического центра «Рупин», [illegible] русскоязычных израильтян, имеющих третью академическую степень (докторов), заняты на «черной» работе, а 50% обладателей второй академической степени (магистров), трудятся на заводах, в сельском хозяйстве и выполняют низкооплачиваемую работу. 25,7% репатриантов с высшим образованием работают в сфере услуг, 12,9% заняты на стройках и в сельском хозяйстве, 7,9% – неквалифицированным трудом.

[illegible]

Артем Кирпиченок

(1) Это нелепое высказывание звучит еще более анекдотично, учитывая то обстоятельство, что в течение десятилетий в Израиле идиш подвергался гонениям, как конкурент иврита.

(2) «Декларацией Бальфура» называют письмо министра иностранных дел Великобритании лорда Бальфура барону Ротшильду, где говорилось о согласии английского правительства на создание еврейского национального очага в Палестине. Правда, одновременно англичане пообещали Палестину и своему арабскому союзнику эмиру Фейсалу.

(3) Яаков де Хаан (1881-1924 г.) был голландским евреем – поэтом и публицистом. Первоначально он состоял в рядах сионистов, но затем стал ортодоксальным иудеем. [illegible]

(4) Галут – изгнание (иврит).

(5) Либеральное движение, выступающее за заключение мирного договора с палестинцами.

(6) [illegible]

(7) [illegible] не видя ни одного живого араба [illegible]

(8) «Черноногие» – европейские колонисты в Алжире. После обретения страной независимости они были изгнаны из страны.

Підтримка

Общество друзей Юманите

ФЕТВА

ТРЕБУЕМ МИРА!
Мы с вами находимся сегодня в августе тысяча девятьсот четырнадцатого года

АВТОРСЬКИЙ ПОГЛЯД

АРТЕМ КИРПИЧЕНОК
ИЗРАИЛЬ. ПРОТЕСТ И РЕПРЕССИИ
Война ускорила втягивания Израиля в воронку ограничения гражданских свобод

ІЛЛЯ ДЕРЕВ`ЯНКО
САРА ВАГЕНКНЕХТ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПАРТИИ
Множество немцев не представлены в политическом поле Германии, и не ходили на последние выборы

МАНАР БСОУЛ
ВЕРОЯТНЫЕ ПРИЧИНЫ ПАЛЕСТИНСКОГО КРИЗИСА
В мире больших денег и геополитических интересов несколько тысяч жизней кажутся не слишком большой ценой

ЯКОВ РАБКИН
НАЦИСТ НА ПАРЛАМЕНТСКОМ ХОЛМЕ
В ходе Холодной войны любой враг Советского Союза был полезен для его противников

ЮРІЙ ГЛУШАКОВ
ИСПЫТАНИЕ АФРИКОЙ
Постсоветские либералы не имеют с либерализмом ничего общего, не считая названия

АРТЕМ КИРПИЧЕНОК
РЕЛОКАЦИЯ - ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
«Культурная толерантность» западных стран, которую так любили высмеивать российские консерваторы, оказалась фикцией

Запрошуємо авторів та перекладачів до співпраці